РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

XI–XII

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1883

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАГО.

НОЯБРЬ.

Стр.

Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи. *Д. В. Цвѣтаева* 5

Стихотворенія: 1) „Для насъ ты былъ всегда вонъ той скалою...“, 2) „Только въ мірѣ и есть что тѣнистый...“. *А. Фета* 94

Найденышъ. Историческій романъ. Въ двухъ частяхъ. (Продолженіе историческаго романа *Пугачевцы.*) Часть первая. Гл. XI—XXI. *Гр. Е. А. Саліаса*... 96

Пугачевъ подъ Оренбургомъ. Гл. XI—XIII. *Н. Ѳ. Дубровина* 173

Основная причина нашего затруднительнаго финансоваго положенія и основныя мѣры для скораго и прочнаго поправленія нашихъ финансовъ. Гл. I—III. *Н. Х. Весселя* 220

Прелестная вольнодумка. Романъ Уильяма Блека. Переводъ съ англійскаго. Гл. XI—XVI 248

Изъ „Осеннихъ пѣсенъ“. Стихотворенія. *Н.* 305

Саранча въ Донской области. Гл. III. *К. Э. Линдемана.* 307

Бездна. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. XI—X. *Б. М. Маркевича* 356

Библіографія. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.— II. *Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow.* Lettres écrites de Pétersbourg à Moscou. 1813—1819 386

Современная лѣтопись. Питейный вопросъ.—Элеваторы.—Дѣло г. Бузова.—Дѣла румынскія и сербскія.—Франко-китайское столкновеніе.—Лжепророкъ Махди... 422

ДЕКАБРЬ.

Стр.

Жизнь Петра III до вступленія на престолъ. Окончаніе *А. Г. Брикнера* 501

Основная причина нашего затруднительнаго финансоваго положенія и основныя мѣры для скораго и прочнаго поправленія нашихъ финансовъ. Окончаніе. *Н. Х. Весселя* 549

Найденышъ. Историческій романъ. Въ двухъ частяхъ. (Продолженіе историческаго романа *Пугачевцы.*) Конецъ первой части. *Графа Е. А. Саліаса* 688

Пугачевъ подъ Оренбургомъ. Окончаніе. *Н. Ѳ. Дубровина* 664

Прелестная вольнодумка. Романъ Уильяма Блека. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе 701

Саранча въ Донской области. Окончаніе. *К. Э. Линдемана* 773

Старая бѣда. Разказъ западнорусскаго крестьянина. Окончаніе. *И. Ѳ. Красковскаго* 822

Добро пожаловать! По поводу сочиненій г. Орловскаго. *П. К. Щебальскаго* 849

Стихотворенія: 1) „Смерть". 2) „Поклонникамъ Нирваны". *Вольмара* 876

Записки Ѳ. П. Леонтьевой. (1811, 1812 и 1813 годы.) . . 878

Изъ черноземной полосы. (Картинки.) Стихотворенія *К. К. Случевскаго* 903

Библіографія. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.— II. *Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго. Гамлетъ принцъ Датскій.* С.-Петербургъ, 1883 года, I т. 151+V стр. *Г* 908

Современная лѣтопись. Золотая рента.—Способъ погашенія Восточныхъ займовъ.—Нѣкоторыя причины бюджетныхъ дефицитовъ.—Театрально-литературный комитетъ.—Процессъ Свиридова въ Кіевѣ, Мельницкихъ въ Москвѣ.—Польское дѣло.—Россія и Черногорія.—Тонкинскія дѣла.—Суданскій вопросъ и Абиссинія 930

БИБЛІОТЕКА
Собранія служащ. въ правительствен. и обществен. учрежден. въ г. Самарѣ.

ЗАПИСКИ Ѳ. П. ЛЕОНТЬЕВОЙ *

(1811, 1812 и 1813 ГОДЫ.)

II.

1812 годъ. Побѣгъ отъ Наполеона.

Я вышла замужъ за г. Леонтьева въ 1812 году, 23 февраля, въ самый день моего рожденія; мнѣ было 18 лѣтъ. Отпраздновавъ свадьбу въ домѣ моихъ родителей, мы поѣхали къ моему свекру. Имѣніе отца моего было Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, а имѣніе свекра — Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, разстояніемъ одно отъ другаго не болѣе 125 верстъ. Мѣсяцевъ черезъ пять мы поѣхали съ мужемъ повидаться съ моими родителями, это было въ концѣ іюня. Надобно сказать что за все время пребыванія моего у свекра я не помню чтобы было упомянуто о Наполеонѣ и его намѣреніяхъ. Положимъ что со мной, какъ съ молодою женщиной, не стали бы о немъ говорить; но вѣдь я могла бы слышать разговоры старшихъ, свекра, мужа, деверьевъ и пріѣзжавшихъ гостей. Я ничего не слышала и не замѣтила похожаго на опасенія.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 10.

Я не могу описать ни политическихъ, ни военныхъ дѣйствій того времени; я была слишкомъ молода чтобы заниматься столь серіозными вещами, да какъ-то и вообще въ мое время дамы не входили въ разговоры и сужденія о подобныхъ вещахъ. Теперь * я замѣчаю совсѣмъ другое; если послушать какъ судятъ да рядятъ дамы о политикѣ, то каждая изъ нихъ, я думаю, считаетъ себя способною занять мѣсто какого-нибудь государственнаго человѣка.

Когда мы пріѣхали къ моему отцу, онъ предложилъ намъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на именины къ моей бабушкѣ, Марьѣ Ивановнѣ Станкевичъ. Она жила въ Дорогобужскомъ уѣздѣ **; имѣніе ея было почти на самой большой дорогѣ изъ Дорогобужа въ Вязьму, такъ близко что почтовая станція Васино находилась въ виду, и мы, когда бывало гащивали у бабушки, часто ходили гулять по почтовой дорогѣ, по которой были прелестныя старинныя березовыя аллеи. Я очень любила эту бабушку съ материнской стороны; я замѣчала, по многимъ доказательствамъ, что я была ея любимою внучкой. Мы пріѣхали къ ней наканунѣ ея именинъ. Съ нею жили старшій сынъ ея Александръ и меньшая дочь, воспитывавшаяся въ Смольномъ монастырѣ; я воспитывалась въ Екатериненскомъ петербургскомъ институтѣ. Это однообразное воспитаніе совершенно сдружило насъ, несмотря на нѣкоторую разницу лѣтъ: она была шестью или семью годами старѣе меня. Дядя мой, которому было около сорока лѣтъ, отмѣнно любилъ насъ обѣихъ; мы съ теткой носили одно имя Ѳедосьи, но всѣ родные и коротко знакомые называли насъ по-англійски *Фанни*, и такъ какъ мы съ тетушкой почти не разлучались, то насъ такъ и звали: „Les deux Fanny!“ Я съ большимъ удовольствіемъ ѣхала къ бабушкѣ, зная заранѣе что мнѣ очень будетъ весело въ такомъ семействѣ, гдѣ меня почти всѣ любили; mais l'homme propose et Dieu dispose!

Надобно тутъ упомянуть что когда мы пріѣхали къ отцу моему, то пробыли у него три или четыре дня. Въ продолженіе этого времени я ни разу не слыхала въ разговорахъ между отцемъ и мужемъ имя Наполеона. Что же это такое? Возможно ли чтобы никто ничего не подозрѣвалъ?

---

* Въ 1856 году.

** Въ 75 верстахъ отъ имѣнія отца моего.

Мы пріѣхали къ бабушкѣ 3 іюля, наканунѣ ея именинъ. Конечно всѣ были рады, веселы; даже отецъ мой, который рѣдко бывалъ въ добромъ духѣ, и тотъ былъ очень любезенъ. Въ день именинъ съѣхались родные и коротко знакомые къ обѣду; шумъ, разговоры, смѣхъ; наконецъ въ два часа доложили объ обѣдѣ; садясь за столъ, всякій (кромѣ старшихъ, которые по обыкновенію занимали всегда самыя скучныя мѣста) старался сѣсть возлѣ того съ кѣмъ хотѣлъ провести время. Les deux Fanny конечно вмѣстѣ; мы давно не видались; nous avions tant à vous dire! За обѣдомъ продолжался тотъ же веселый говоръ. Въ половинѣ обѣда вошелъ лакей и сказалъ дядѣ, хозяину дома:

— Съ Васинской станціи пришелъ смотритель почты и проситъ васъ къ нему выйти.

Дядя, попросивъ извиненія, вышелъ изъ-за стола.

Минуты двѣ или три спустя тотъ же лакей подошелъ къ отцу моему и сказалъ ему:

— Александръ Епафродитовичъ проситъ васъ на минуту къ себѣ.

Отецъ всталъ и ушелъ. Это стало всѣхъ интриговать; всѣ умолкли и посматривали другъ на друга, какъ будто ожидая не скажетъ ли кто-нибудь; но всѣ молчали. Мужъ мой, замѣтивъ что бабушка и матушка тревожились, предложилъ имъ что онъ сходитъ, узнаетъ и принесетъ имъ какое-нибудь извѣстіе. Онъ вышелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ трое вернулись со сконфуженными лицами. На вопросъ бабушки: что̀ случилось, отецъ сказалъ: „проѣзжалъ курьеръ, скакалъ ямщикъ, зацѣпилъ за пень; телѣга завалилась, курьеръ упалъ и очень больно расшибся. Смотритель приходилъ за помощью.“

— Что̀ же вы сдѣлали? спросила бабушка.

— Я послалъ своего фельдшера пустить кровь и велѣлъ ѣхать за лѣкаремъ.

Всѣ пожалѣли о курьерѣ, и мало-по-малу успокоились; только на лицахъ трехъ выходившихъ особъ замѣтно было смущеніе. Они значительно посматривали другъ на друга, но ни слова не говорили. Хотя озабоченность ихъ очень была замѣтна, но для молодежи какая до того была нужда; лишь бы не мѣшали намъ болтать всякій вздоръ.

Обѣдъ кончился; всѣ вошли въ гостиную; подали кофе. Когда офиціанты вышли, отецъ всталъ, заперъ дверь, и обратился къ бабушкѣ и къ прочимъ дамамъ:

— Mesdames, пожалуста не тревожьтесь, а выслушайте сколько можете тверже. Наполеонъ вошелъ въ Россію.

— Ахъ! было всеобщимъ возгласомъ, хотя и на разный тонъ.

Отецъ продолжалъ:

— Курьеръ, который сейчасъ проскакалъ, ни мало не ушибся; эту исторію мы сочинили нарочно чтобы за обѣдомъ не объявлять. Дѣло вотъ въ чемъ: курьеръ этотъ сказалъ станціонному смотрителю что Наполеонъ прошелъ уже нѣсколько нашихъ губерній съ громаднымъ войскомъ. Многихъ помѣщиковъ врасплохъ засталъ, такъ что иные едва успѣли уѣхать; другіе убѣгали пѣшкомъ и скрываются кой-гдѣ; нѣкоторые попались въ плѣнъ; войско Наполеоново дѣлаетъ большія неистовства. Теперь курьеры безпрестанно будутъ посылаться изъ главной квартиры съ увѣдомленіемъ о приближеніи Наполеона и объ отступленіи нашей арміи; курьерамъ данъ приказъ объявлять объ этомъ во всѣхъ проѣзжаемыхъ ими городахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно, чтобы помѣщики брали свои мѣры, какія кто заблагоразсудитъ для спасенія себя и семействъ своихъ отъ угрожающей бѣды.

Тутъ начались плачъ, дурноты, угрозы, моленія; всякій по своему изъявлялъ свой страхъ. Мы съ тетушкой, моею пріятельницей, стояли поодаль; мы слушали съ большимъ вниманіемъ, но какъ-то равнодушно; намъ казалось что этого не можетъ быть. Хотя мы и недавно учились русской и прочимъ исторіямъ и помнили разказы о набѣгахъ Татаръ, Литвы; но мы считали ту эпоху столь же отдаленною какъ нападеніе Грековъ на Трою, а Россію совсѣмъ въ другомъ положеніи нежели какъ онд была въ тѣ времена, мы никакъ не могли вообразить чтобъ это могло быть; удивлялись всеобщему страху и досадовали только на то что ожидаемое нами пріятное препровожденіе времени рушилось.

Когда дамы нѣсколько утихли отъ своихъ восклицаній и слезъ, отецъ мой началъ говорить всѣмъ. „Послушайте, mesdames! очень понятно что это извѣстіе васъ тревожитъ; но, ради Бога, старайтесь укрѣпить себя. Теперь необходимо присутствіе духа; думайте только о томъ какъ бы скорѣе отсюда уѣхать и какъ можно далѣе. Неизвѣстно гдѣ этотъ новый Чингисъ-Ханъ остановится или гдѣ его остановятъ, но подальше будетъ покойнѣе! Итакъ, матушка, терять

время не для чего; минуты дороги; собирайтесь за Москву, въ ваше Костромское имѣніе, и моя семья туда же отправится."

Обратясь къ мужу моему, онъ ему сказалъ:

— Николай, вели, братъ, поскорѣе лошадей запрягать.

Мужъ мой вышелъ. Батюшка ходилъ по комнатѣ задумавшись; матушка моя и мы съ сестрой пошли снять наши праздничные наряды, надѣть дорожное платье и уложить все.

Мужъ мой такъ скоро тамъ распорядился что экипажи были тотчасъ поданы; пошли прощаться; тутъ опять возобновилась сцена слезъ и рыданій. Отецъ мой уговаривалъ не отчаиваться, говорилъ что Богъ дастъ все кончится, хотя и не совсѣмъ безъ бѣдъ, но что мы всѣ опять свидимся и будемъ жить попрежнему. При прощаніи, признаться, и я прослезилась, особенно когда прощалась съ тетушкой подругой.

Мы уѣхали. Проѣзжая черезъ Вязьму, отецъ мой зашелъ къ нѣкоторымъ чиновнымъ людямъ узнать нѣтъ ли приказовъ отъ царя. Тутъ онъ узналъ о назначенномъ ополченіи, и мы наконецъ пріѣхали въ Соколово на разсвѣтѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ батюшка велѣлъ позвать къ себѣ управителя и приказалъ ему послать за бурмистрами и старостами чтобъ они немедленно явились къ нему для распоряженія насчетъ ратниковъ. Управитель послалъ во всѣ деревни за начальниками. У отца моего кромѣ своего собственнаго находилось еще дѣдушкино имѣніе въ полномъ его распоряженіи, такъ что всего вмѣстѣ было кажется около 2.000 душъ. Пока управитель посылалъ гонцовъ по всему имѣнію, батюшка сказалъ моему мужу: „тебѣ ждать нечего; всякому теперь до себя. У тебя старикъ отецъ, жена, сестры; надобно тоже обдумать и о нихъ; выкорми лошадей, да и ступай съ Богомъ!

— Какъ же мы будемъ имѣть извѣстіе другъ о другѣ? спросилъ мужъ.

— Богъ знаетъ! говоритъ отецъ.—Отецъ твой вѣрно поѣдетъ въ свое Ростовское имѣніе; моя жена и дочь со старикомъ дядей—въ свое Костромское имѣніе; слѣдовательно, это все въ одну сторону; можете имѣть сообщеніе.

— А вы, батюшка?

— Я, какъ скоро выпровожу свою семью и сдамъ ратниковъ, тотчасъ присоединюсь къ главной квартирѣ нашей арміи и не оставлю ее до тѣхъ поръ пока можно будетъ; оттуда я буду увѣдомлять жену о ходѣ Наполеона и какая можетъ угрожать опасность.

Мы съ сестрой оставили батюшку съ мужемъ моимъ толковать о политическихъ происшествіяхъ, а сами пошли въ другую комнату болтать о нашихъ дѣлахъ. Управитель распорядясь посланными пришелъ къ намъ и спрашиваетъ:

— Вы знаете ли, сударыни, кто это на насъ идетъ?

— Конечно знаемъ, говорю,—Наполеонъ!

— Такъ-съ; да кто онъ таковъ?

— Ну, Французскій императоръ; конечно, онъ не настоящій король Франціи, потому что Французы убили своего царя, а этотъ хитрецъ воспользовался смутами и вскочилъ на престолъ.

— Все такъ-съ, да все не то, потомъ наклонился къ намъ и вполголоса сказалъ:—это антихристъ!

Мы съ сестрой засмѣялись.

— Вотъ вы изволите смѣяться; видно что вы не читали Апокалипсиса?

— А ты небось читалъ? говоритъ сестра.

— Да я, сударыня, самъ-то не читалъ, а мнѣ сказывалъ тотъ кто читалъ.

— Что̀ же тамъ сказано?

— Да какъ-то не очень понятно мнѣ толковали, по какому-то счисленію нашли что антихристъ называется Аполеонъ и придетъ съ тѣмъ чтобы мучить тѣхъ христіанъ которые не захотятъ принять его дьявольской вѣры.

— Послушай, Василій, говорю я,—вѣдь ты говоришь что антихриста зовутъ Аполеонъ, а это Наполеонъ.

— Да то-то, сударыня, не совсѣмъ ясно; по счисленію одной буквы не достаетъ.

— Ну такъ успокойся, это еще не антихристъ.

Прикащика позвали къ отцу, а мы съ сестрой пошли къ матушкѣ.

Чрезъ нѣсколько часовъ, позавтракавъ, мы съ мужемъ уѣхали къ свекру. Я разставалась, сколько могу запомнить, довольно спокойно съ моими родителями, не предвидя въ молодомъ и безпечномъ умѣ моемъ ничего важнаго впереди.

Теперь я должна разказать объ одномъ смѣшномъ происшествіи, о которомъ я узнала гораздо послѣ, но оно здѣсь будетъ совершенно у мѣста, такъ какъ случилось пока мы ѣхали къ свекру.

По отъѣздѣ нашемъ изъ Соколова, батюшка собралъ всѣхъ дворовыхъ, объявилъ имъ которые изъ нихъ будутъ

съ нимъ, которые съ матушкой. Кучерамъ приказалъ готовить экипажи и простыя телѣги для поклажи; счетомъ всего было кажется экипажей пять, то-есть и съ телѣгами. Въ каретѣ шестерикомъ ѣхалъ слѣпой дѣдушка, которому было около девяноста лѣтъ. Его съ большимъ трудомъ могли уговорить; отъ старости онъ не могъ никакъ понять, почему его тащатъ съ покойной постели въ тряскую карету. При немъ въ каретѣ находились два его камердинера, тоже весьма не молодые. Въ коляскѣ четверней ѣхали матушка со второю сестрой моею Марѳой (Анна была еще въ институтѣ) и двумя дѣвушками. Всѣ телѣги ларами. Десять или двѣнадцать человѣкъ дворовыхъ находившихся въ разныхъ должностяхъ при этомъ поѣздѣ, какъ-то: повара, лакеи, кучера, повощики, кузнецъ и пр., всѣ были вооружены съ ногъ до головы, и въ случаѣ нужды нѣкоторыя пристяжныя откладывались чтобы служить верховыми. У отца моего была знаменитая псовая охота, и охотники всѣ отлично ѣздили верхомъ; лошади охотничьи были хорошія, и всѣ находились въ запряжкѣ. Покажется можетъ-быть страннымъ это вооруженіе и множество народа; вѣдь они не могли бы защищаться отъ непріятеля въ случаѣ нападенія. Отецъ мой, вооружая много путеводителей при этомъ большомъ поѣздѣ, опасался разбойничьихъ шаекъ. Наполеонъ имѣлъ своихъ агентовъ, которые вездѣ соблазняли народъ, говоря что Наполеонъ съ тѣмъ идетъ чтобы всѣмъ дать свободу. Вотъ этого-то отецъ мой боялся; тѣмъ болѣе что путь былъ дальній, изъ Смоленской губерніи въ Костромскую. У отца была большая оружейная, собранная за нѣсколько лѣтъ. Тамъ были ружья, сабли, пистолеты, ятаганы и проч., все это пошло въ дѣло.

Такимъ образомъ устроивъ отъѣздъ матушкинъ и всей своей семьи, какая была тогда при насъ, онъ ее выпроводилъ изъ Спасскаго * и сказалъ ей чтобъ она остановилась въ Москвѣ и увѣдомила бы его въ главную квартиру гдѣ ее отыскать письменнымъ извѣщеніемъ если ей нужно будетъ ѣхать далѣе, или своимъ собственнымъ пріѣздомъ если опасность будетъ близка.

Когда матушка уѣхала со всѣмъ обозомъ, наполненнымъ всѣмъ что только было можно увезти подрагоцѣннѣе и понужнѣе, отецъ велѣлъ собрать и представить къ себѣ всѣхъ

* Другое имѣніе въ которомъ жилъ старикъ-дѣдушка.

крестьянъ, которыхъ онъ по ревизіи заочно назначалъ въ ратники. Они были ему представлены, онъ ихъ осматривалъ, нѣкоторыхъ выключилъ, замѣнилъ другими. Наборъ сдѣланный имъ былъ прекрасный: не старые, не очень молодые, крѣпкіе, здоровые; кафтаны, лики и сабли для нихъ были заказаны еще прежде. Когда все это оказалось готовымъ, отецъ велѣлъ ихъ всѣхъ одѣть и вооружить. Не помню поскольку ратниковъ было назначено со ста душъ, но помню что было что-то много; особенно въ большомъ имѣніи очень замѣтна была убыль. Отецъ мой въ молодости служилъ въ военной службѣ; когда ратники одѣтые и вооруженные приведены были на дворъ, онъ вышелъ къ нимъ, разставилъ ихъ рядами, ходилъ между ними, поправлялъ однихъ, хвалилъ другихъ, окураживалъ всѣхъ. На этомъ же дворѣ собралось много дворовыхъ, прикащикъ, бурмистры, старосты и прочіе пришедшіе изъ любопытства.

Во время этого занятія въѣхала на дворъ телѣга везомая хорошими господскими лошадьми; кучеръ скверно одѣтый. Телѣга остановилась, изъ нея вылѣзъ Григорій Григорьевичъ К***, одинъ изъ батюшкиныхъ сосѣдей.

Надобно сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ, какъ говорится, не изъ самыхъ чистыхъ дворянъ; чуть ли не дѣдъ его былъ мѣщанинъ, ремесломъ кузнецъ. Ничего не могло быть отвратительнѣе этого человѣка въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи. Онъ былъ колоссальнаго роста, не толстъ, но широко и костляво сложенный; волосы русые нѣсколько крутились, брови густыя нависшія, глаза не очень велики, сѣрые; взглядъ лукавый, злой и насмѣшливый; усы скверные, съ презрительною улыбкой, уши огромныя, руки тоже, только чтобы молотъ держать. Онъ былъ очень рябъ и сильно заикался. Одѣтъ былъ всегда въ сюртукѣ свѣтло-сѣраго цвѣта, длиной до самыхъ пятъ; два большіе кармана сзади и два спереди на груди. Эти два кармана всегда были набиты какими-то свертками бумагъ. Онъ очень чванился своимъ богатствомъ (у него была тысяча душъ). Когда онъ находился въ компаніи, всегда старался завести разговоръ о богатствѣ и доканчивалъ всегда разговоръ слѣдующею фразой заикаясь: „А-а-а-а я ничего не боюсь; а-а-а, а-а-а, у кого за пазухой всегда лежатъ тысячи, а-а-а, а-а-а, тому некого боятся“. Говоря эти слова, онъ всегда трепалъ себя рукой по груди, тамъ гдѣ карманы; но

однажды молодые люди гдѣ-то въ мужской компаніи подъ веселый часъ распороли ему сюртукъ и вмѣсто ассигнацій вытащили изъ кармановъ свертки старыхъ газетъ. Страстный былъ хвастунъ, завистливъ если увидитъ у кого что-нибудь хорошее, скупъ, презиралъ бѣдность и всячески старался сказать про каждаго что-нибудь язвительное.

Когда отецъ мой узналъ подходящаго къ нему сосѣда, сказалъ:

— Здраствуй, Григорій Григорьевичъ, какъ поживаешь.

— А-а-а ничего, по-маленьку, Петръ Матвѣевичъ.

Тутъ они поцѣловались по-старинному.

— А-а-а чѣмъ ты это, Петръ Матвѣевичъ, занимаешься?

— Да вотъ, братъ, какъ видишь, осматриваю ратниковъ.

Отецъ продолжалъ ходить по рядамъ и К***... съ нимъ вмѣстѣ.

— Э, хе, хе, хе, братъ, да какихъ ты молодцовъ подобралъ! Да къ чему это? Какая жалость!

— Какъ къ чему? На службу царю!

— Да къ чему такихъ молодцовъ! Вѣдь ни одинъ не воротится. Жалко!

— Да что̀ ты врешь, Григорій Григорьевичъ? Развѣ ты ратниковъ не ставилъ?

— Какъ не ставить когда велятъ! Да вѣдь я, братъ, отдалъ такой порохъ* что они и до мѣста-то не дойдутъ. Вѣдь имъ не долго жить осталось, такъ все равно гдѣ бы не умереть.

Отецъ мой, старинный русскій дворянинъ, патріотъ въ душѣ, преданный царю и отечеству по воспитанію, по привычкѣ и по убѣжденію, ужасно разсердился на К***. Будучи характера вспыльчиваго, онъ во все время разговора едва удерживалъ себя, наконецъ при послѣднихъ словахъ не выдержалъ, тѣмъ болѣе что все сказанное сосѣдомъ было говорено очень громко и могло возмутить ратниковъ; отецъ вдругъ съ гнѣвомъ обратился къ К***... и закричалъ:

— Да какъ ты смѣешь, подлецъ ты этакой, говорить такія слова?

К*** испугался и понизивъ тонъ говоритъ:

— Помилуй, братецъ, за что̀ ты разсердился!

— Молчи, подлецъ!

К*** заикнулся было еще что-то сказать, но на бѣду его въ самую эту минуту доѣзжачій, стоявшій противъ моего

* Старье.

отца, поднялъ аралникъ чтобъ ударить подошедшую борзую собаку. Отецъ, увидавъ аралникъ, въ одно мгновеніе выхватилъ его у доѣзжачаго, мигомъ перевернулъ сосѣда къ себѣ спиной и началъ его стегать сколько было силъ вдоль по спинѣ. К*** началъ кричать и заикаться пуще прежняго: „А... а... а... да помилуй братецъ? а... а... а... что̀ ты дѣлаешь?“

А отецъ продолжая стегать говоритъ:—Стулай, стулай, убирайся за добра ума, а не то я кликну псарей, велю тебя принять въ кнутья, а потомъ связать за такія слова.“

К*** видя что дѣло не на шутку и зная что у моего отца была знаменитая псовая охота, псари всѣ ловкіе, проворные, повинующіеся безпрекословно тому что̀ баринъ прикажетъ, струхнулъ, закричалъ своему кучеру, бѣгомъ кинулся къ телѣгѣ, ввалился въ нее, и закричавъ безъ памяти: „Пошелъ“, ускакалъ.

Отецъ грозилъ ему издали аралникомъ, а всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ дворня и ратники безъ памяти хохотали.

Отецъ мой полагалъ что если ратники и возмутились нѣсколько духомъ отъ словъ К.***, то случившееся происшествіе совершенно развлекло ихъ; особенно когда они увидѣли что ихъ господинъ наказалъ другаго господина и поняли что ихъ господинъ правъ; онъ приказалъ имъ разойтись по деревнѣ, до завтрашняго утра, а самъ пошелъ въ домъ.

Когда мы пріѣхали къ свекру, я нашла все семейство въ волненіи; но мнѣ казалось что это происходило не отъ боязни Наполеона, а болѣе отъ хлопотъ и безденежья. Здѣсь были три деверя мои: Сергѣй служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, и вышелъ въ отставку не болѣе полугода; Петръ и Иванъ нигдѣ еще не служили, и хотя одному было двадцать три года, а другому двадцать два, оставались недорослями. Отчего они до этихъ лѣтъ не служили, особенно въ тогдашнее время когда Россія должна была безпрестанно быть въ войнѣ, то съ Французами, то съ Турками, то со Шведами, и когда считали почти безчестіемъ если русскій дворянинъ не служилъ и не имѣлъ чина? По большей части дворяне служили въ военной; статская служба была какъ-то въ презрѣніи; въ ней служили только нездоровые или имѣвшіе какой-нибудь физическій недостатокъ, никому не хотѣлось быть въ неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ приказными чиновниками, которые большею частію были изъ духовнаго званія, или изъ мѣщанъ и вольноотпущенныхъ людей.

Итакъ три мои деверя всѣ собирались на службу, разумѣется въ военную. Они поджидали только насъ чтобы проститься съ нами, и отправились въ Кіевъ. Если не ошибаюсь, тамъ вновь формировались полки, называемые „Украинскіе казачьи". Начальникомъ этихъ полковъ былъ князь Василій Петровичъ Оболенскій. Къ нему-то мои деверья поѣхали, и тотчасъ всѣ трое были приняты въ одинъ полкъ. Мундиръ ихъ былъ темно-синій съ голубою по швамъ выторочкой, въ родѣ куртки; широкіе панталоны и шапка на манеръ казачьихъ. На мой вкусъ мундиръ былъ не очень красивъ, но деверья мои были молодцы собой и украшали свой мундиръ. Сергѣй былъ высокаго роста, двадцати семи лѣтъ, фигура хороша, но лицомъ былъ рябъ и дуренъ. Петръ былъ вполнѣ красавецъ. Высокаго роста, прекрасно сложенный, двадцати трехъ лѣтъ; отмѣнно пріятныя губы и прочія черты лица, особенно глаза, темно-голубые цвѣтомъ, съ длинными, черными рѣсницами; взглядъ, хотя и скромный, но необыкновенно вкрадчивый; волосы черные, немного вились и онъ ихъ причесывалъ отлично; ловокъ былъ въ танцахъ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Имѣлъ очень пріятный голосъ и хорошо пѣлъ. Характера былъ прекраснаго, и рѣшительно былъ всѣми любимъ какъ семейными, такъ и посторонними. Былъ очень влюбчивъ, или, какъ тогда говаривали про влюбчивыхъ, „былъ Сердечкинъ". Хотя многія изъ женщинъ были въ него влюблены, но ни одна не могла на него пожаловаться за нескромность или за непостоянство; онъ такъ удачно велъ свои дѣла что никто бывало не подкопается, и если случалась ему надобность разстаться съ предметомъ своей любви, то находилъ всегда благовидныя причины и оставлялъ каждую въ добромъ и пріязненномъ къ себѣ расположеніи. Иванъ былъ дуренъ, толстъ, не складенъ, но веселаго характера, безпрестанно разказывалъ или придумывалъ что-нибудь смѣшное. Въ семействѣ онъ всегда оживлялъ компанію, но къ нему были довольно равнодушны; посторонніе не очень его любили, потому что онъ всѣхъ передразнивалъ и подсмѣивался надо всѣми.

Когда деверья отправились, мы всѣ очень плакали; не знали приведетъ ли Богъ которому возвратиться. По отъѣздѣ ихъ мнѣ что-то вздумалось спросить въ какихъ чинахъ братья, мнѣ отвѣчали что Сергѣй майоръ, а тѣ двое не имѣютъ чиновъ, потому что не служили; спросила о мужѣ, и мнѣ

сказали что онъ только прапорщикъ гвардіи. Меня очень удивило что братья, то-есть деверья мои, не имѣютъ чина; и очень огорчило что мужъ мой въ такомъ маломъ чинѣ, я думала что онъ не ниже полковника. Однако я не осмѣлилась на этотъ разъ разспросить почему у мужа маленькій чинъ, и почему братья не служили. Вступивъ такъ недавно въ семейство, къ тому же съ робкимъ характеромъ, я не рѣшилась входить въ такіе деликатные разспросы; но въ послѣдствіи, когда связь съ моими золовками стала дружественнѣе и откровеннѣе, онѣ мнѣ сказали что мать ихъ не могла рѣшиться отпустить меньшихъ сыновей въ службу, потому что старшій ихъ братъ, то-есть мужъ мой, служа въ гвардіи такъ много надѣлалъ шалостей и долговъ что родители принуждены были взять его изъ службы чтобъ онъ тамъ совсѣмъ не погибъ. „А послѣ смерти матери?“ спросила я. „Мы не знаемъ почему они не вступили въ службу“, отвѣчали золовки.

Я была очень еще молода когда узнала эти обстоятельства, но они меня очень возмутили, и эти мысли не покидали меня до извѣстнаго времени.

По отъѣздѣ деверьевъ надо было отправлять мужа моего въ ополченіе, которое быстро набиралось. Я очень желала чтобы мужъ поступилъ въ ополченіе, но онъ, кажется, не очень охотно объ этомъ думалъ, да и свекоръ мой смотрѣлъ равнодушно на то пойдетъ ли сынъ его въ ополченіе или нѣтъ. Для меня казался очень страненъ этотъ взглядъ ихъ на вещи. Какъ можно было нейдти на помощь отечеству? Какъ унизить себя предъ сословіемъ дворянъ, если не вступить въ службу такому молодому и здоровому человѣку? Кто же пойдетъ если такіе люди будутъ отказываться, и какими глазами они будутъ смотрѣть на всѣхъ? Всѣ будутъ говорить что онъ спрятался за юпки молодой жены своей.

Откуда я набралась этого образа мыслей въ восемнадцать лѣтъ? Вѣрно было нѣчто врожденное, и воспитаніе мое какъ домашнее, такъ и институтское всегда твердило мнѣ объ обязанностяхъ гражданскаго человѣка, а что̀ я слышала, чему меня научили, то я безпрестанно твердила мужу моему. Свекоръ мой не противорѣчилъ мнѣ, но и не поддерживалъ меня. Однажды онъ спросилъ у меня, не грустно ли мнѣ будетъ разстаться съ мужемъ. Мнѣ былъ очень досаденъ этотъ вопросъ. „Какъ же мнѣ не грустить когда я люблю мужа?“

подумала я, но отъ досады ничего не отвѣчала, покраснѣла до ушей, и не смѣя сказать своихъ мыслей, ушла вонъ изъ комнаты къ себѣ и плакала запершись. Слава Богу, никто мнѣ не помѣшалъ; я наплакалась въ волю и много, потому что давно уже была разстроена; конечно не политическими событіями; я совершенно была къ нимъ равнодушна, не понимала къ чему все это можетъ привести и никакъ не ожидала ничего страшнаго и опаснаго; а разстроена была всѣми разставаніями и прощаніями, прошедшими и будущими. Я вышла къ обѣду какъ ни въ чемъ не бывало; не было и слѣдовъ моихъ слезъ, но я ничего почти не говорила, потому что была сердита на свекра за неумѣстный его вопросъ и за то что онъ не понуждалъ моего мужа исполнить долгъ русскаго дворянина въ такую важную минуту. Кстати сердилась на него и за то что онъ взялъ мужа моего изъ службы съ маленькимъ чиномъ и винила его въ томъ что меньшихъ сыновей держалъ дома безъ службы, въ совершенной праздности и въ безполезной для себя и для другихъ жизни. Все это было у меня только въ умѣ, а говорить-то я не смѣла объ этомъ никому. Я была воспитана въ повиновеніи къ родителямъ и въ почтеніи къ старшимъ.

Въ этотъ день пріѣхали къ намъ два сосѣда, Рагозинъ и Врацкій. Они оба были однихъ лѣтъ съ мужемъ моимъ и пріятели съ нимъ. Одинъ изъ нихъ былъ очень слабаго здоровья. Они вошли въ комнату съ грустными лицами и услышавъ музыку очень были скандализованы; я давала меньшой моей золовкѣ урокъ на фортепіано.

Скажу кстати нѣсколько словъ о воспитаніи новаго моего семейства. Семейство это не получило почти никакого воспитанія. Сначала, когда свекоръ и свекровь мои были внимательнѣе къ образованію своихъ дѣтей, они нанимали для нихъ гувернантокъ и учителей. Первая была madame * лѣтъ сорока, съ дочерью лѣтъ четырнадцати или пятнадцати. Знала ли она что-нибудь или вовсе ничего, только дѣти учились мало, особенно лѣтомъ; весь день проходилъ въ прогулкахъ, дѣти больше подшучивали надъ матерью и дурачились съ дочерью, особенно два старшіе сына; потомъ они старались прибирать риѳмы къ фамиліи своей *мадамъ*; ея фамилія была Mme Outty, и они иначе не говорили ей какъ: „мадамъ *Утѝ*, куда

* Какой націи, неизвѣстно.

прикажете *уйти?*“ и тому подобное. Вѣроятно родители замѣтили что успѣхи плохи, отпустили мадамъ и съ дочкой.

На мѣсто ея взяли учителя Француза M. Gervais. Онъ выучилъ старшихъ * читать и писать по-французски, но безо всякихъ грамматическихъ правилъ; пробывъ въ домѣ года съ два, онъ однажды пришелъ къ свекру и говоритъ ему:—Pardon, monsieur; il faut que je vous quitte.

— Pourquoi cela, Gervais? спрашиваетъ свекоръ.

— Parce qu'on me propose une place plus analogue à mon goût et à mon savoir.

— Comment cela? quelle place? je ne comprends pas.

— Il faut que je vous avoue, monsieur, que je ne puis continuer l'éducation de vos enfans; je ne sais rien au delà de ce que je leur ai enseigné. Il y a eu en France une fabrique de bas, dont j'ai été le meilleur ouvrier, et maintenant on me propose de me mettre à la tête d'une fabrique de bas, alors vous comprenez bien que...

Свекоръ расхохотался:

— Allez-vous en au diable!

Расплатился съ нимъ и отпустилъ его.

Гдѣ-то отыскали еще иностранца, тоже, я думаю, Француза, ихъ къ намъ пропасть набѣжало послѣ революціи, а русскіе дураки съ ума сошли, такъ и бѣгали за ними. Фамиліи его не помню. Когда онъ поступилъ въ домъ, свекровь моя была въ тягости меньшою дочерью. У свекрови были двѣ сестры, одну звали Вѣра Николаевна, а другую Марья Николаевна. Вѣра была не хороша собой, но характера живаго, веселаго. Меньшая, Марья, была собой очень хороша, тихаго, скромнаго нрава. Онѣ жили недалеко въ своемъ имѣніи и часто посѣщали сестру свою. Французъ, гувернеръ, часто имѣлъ случай ихъ видѣть. Когда извѣстили двухъ дѣвицъ Бѣлкиныхъ ** о разрѣшеніи сестры ихъ, онѣ тотчасъ пріѣхали и пробыли до совершеннаго ея выздоровленія. Въ день крестинъ, въ спальнѣ у свекрови, сидѣли обѣ сестры и мой свекоръ, свекровь же лежала еще въ постели. Вдругъ отворяется дверь съ шумомъ, и Французъ разодѣтый въ прахъ, во французскомъ кафтанѣ и прочихъ подробностяхъ туалета временъ Лудовика XVI, напудреный, въ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками, началъ расшаркиваться и говоритъ:

---

* Меньшіе были еще малы.

** Фамилія свекрови моей была Бѣлкина.

— Monsieur! j'ai l'honneur de vous présenter mes compliments et...

— Merci, mon cher monsieur, прервалъ его свекоръ.

— Et de vous annoncer que je me marie.

— Vraiment? сказалъ свекоръ, полагая что онъ влюбился въ которую-нибудь изъ служанокъ. — Vraiment? et laquelle a touché votre coeur? est-ce Устюшка, Дунятка ou la belle Клавдія peut-être?

— Monsieur, отвѣчаетъ Французъ хладнокровно, но не горделиво,—je suis gentilhomme et je demande la main de mademoiselle votre belle-soeur Marie.

Свекоръ началъ смѣяться; но, замѣтивъ что Марія сконфузилась, покраснѣла и слезы у нея показались на глазахъ, пересталъ. Тогда Вѣра, вскочивъ съ мѣста, подбѣжала къ Французу и съ притворнымъ гнѣвомъ сказала:

— Comment osez-vous faire votre proposition à ma soeur Marie, avant de me la faire à moi; elle est la cadette, n'importe qu'elle est plus jolie que moi; avez vous oublié l'histoire de Jacob, de Laban et de ses deux filles? Commencez par m'épouser moi, et après vous épouserez ma soeur.

Тутъ и Марья начала смѣяться.

— Mon cher, продолжалъ свекоръ,—vous dites que vous êtes gentilhomme et vous oubliez que vous n'avez plus de gentilhommes en France.

— Mais, monsieur...

— Attendez, je n'ai que deux mots à vous dire: vous ne pouvez pas épouser ma belle-soeur Marie, parce que les Français ne sont plus gentilshommes, donc vous ne l'êtes pas non plus; et vous ne pouvez continuer l'enseignement de mes enfans, puisque vous savez si mal l'histoire sainte, comme Вѣра vient de vous le prouver. Aujourd'hui nous ferons notre compte, et demain vous aurez un équipage qui vous menera à Kalouga.

Бѣдный Французъ во всемъ своемъ нарядѣ отправился къ себѣ въ комнату, ничего не понимая что съ нимъ было; такъ былъ глупъ.

Когда спросили у Марьи отчего она заплакала, она отвѣчала что съ досады что такая глупая и ничтожная тварь осмѣлилась думать о ней.

Этимъ, кажется, и ограничилось воспитаніе семейства Леонтьевыхъ. Послѣ того не было въ домѣ ни гувернеровъ, ни учителей, ни учительницъ, и этимъ-то полуобразованіемъ

воспользовались только старшіе два сына и двѣ дочери. Мужъ мой и деверь Сергѣй, служа въ гвардіи, понабрались кое-чего отъ товарищей; а сестры настолько знали французскій языкъ чтобы не умереть съ голода еслибы пришлось жить между Французами. Меньшіе же два брата и двѣ сестры едва умѣли читать и писать по-русски, и то безъ малѣйшихъ правилъ. Почеркъ письма былъ прекрасный почти у всѣхъ. Я никогда не видала чтобы кто-нибудь изъ нихъ занимался чтеніемъ, развѣ только деверь Сергѣй.

Что же касается женскихъ рукодѣлій, всѣ четыре сестры работали отлично, скоро и чисто разнаго рода рукодѣлія. И гораздо полезнѣе было небогатымъ дѣвушкамъ знать рукодѣлія нежели имѣть какія-нибудь поверхностныя понятія о нѣкоторыхъ наукахъ. Жаль только что нѣкоторыя изъ нихъ пренебрегли врожденными талантами. Сестра Лизавета была способна къ рисованью, а меньшая, Варвара, къ музыкѣ. Я имѣла средства заниматься какъ тѣмъ, такъ и другимъ, сперва дома, а потомъ въ институтѣ. Я предложила имъ обѣимъ заняться съ каждою ихъ любимымъ искусствомъ; онѣ были очень рады, и у насъ былъ положенъ часъ для сихъ двухъ уроковъ.

Я совсѣмъ отбилась отъ настоящей матеріи, но мнѣ надобно было объяснить почему я давала урокъ. Итакъ обращусь опять къ пріѣхавшимъ сосѣдямъ которые, войдя въ комнату, тотчасъ вскричали: „Боже мой! какъ вы имѣете столько силъ чтобы заниматься музыкой?“

Мужъ мой на это отвѣчалъ:—Какая это музыка! гаммы!

— Конечно, гаммы; да можетъ ли теперь что̀ на умъ идти! Вы вовсе не унываете.

Вошелъ свекоръ и, услышавъ послѣднія слова, сказалъ:

— Полноте, господа! Что за отчаяніе! Надѣйтесь на милость Божію.

— Ахъ! Борисъ Ивановичъ, говоритъ гость,—да вѣдь не всякому дано быть такъ твердымъ христіаниномъ какъ вы *.

— Ну, по крайней мѣрѣ, крѣпитесь разсудкомъ; минута ужасная, жестокая; надобно всѣмъ и всѣми силами соединиться противъ врага. Предъ вашимъ пріѣздомъ я раскрылъ Псалтирь зажмурившись и вышелъ псаломъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!*

— Дай Богъ! дай Богъ!

---

* Свекоръ мой былъ очень набожный человѣкъ.

— Вы вѣрно въ ополченіе, господа? спрашиваетъ мужъ.

— Да, а ты Николай?

— И я.

— Вотъ и прекрасно! Пріѣзжай завтра къ намъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ къ Калугу и поступимъ на службу.

— Стулайте, стулайте съ Богомъ, господа, говоритъ свекоръ,—трехъ сыновей моихъ я отправилъ уже на защиту царя и отечества; теперь идетъ четвертый. Я и самъ бы пошелъ еслибы не лѣта *, да не вотъ эта ватага.

Свекоръ показалъ рукой на пятерыхъ молодыхъ особъ стоявшихъ возлѣ него; это были четыре его дочери и я.

— Comment, madame, vons laissez partir votre mari? спрашиваетъ у меня гость.

— Monsieur, on m'a déjà fait cette question, mais je ne saurais y répondre à présent comme alors.

Гости пробыли до вечера; рѣчи не было ни о чемъ кромѣ настоящихъ обстоятельствъ. Я и сестры мало принимали участія въ этихъ толкахъ; наконецъ простились со всѣми довольно грустно и, сговорясь съ мужемъ моимъ ѣхать въ Калугу, оставили насъ.

Вечеръ былъ для всѣхъ очень скученъ; послѣдній изъ семейства уѣзжалъ. Я не предвидѣла, по молодости, никакихъ опасностей, но мнѣ странно было какъ-то разстаться съ мужемъ (это было въ первый разъ еще); я не знала что̀ дѣлать, что̀ думать; все было какъ-то неловко; не такъ какъ обыкновенно; не такъ какъ всякій день; я крѣпилась до самой минуты разставанія.

На другой день, позавтракавъ, въ 11 часовъ утра, мужъ мой рѣшился ѣхать; экипажъ подали; я простилась довольно твердо; онъ обѣщалъ мнѣ пріѣхать повидаться если будетъ можно. Мы пошли всѣ провожать его до крыльца. Когда онъ сѣлъ на дрожки и сказалъ кучеру „пошелъ", я почувствовала что ноги мои подкосились и въ глазахъ потемнѣло... Мнѣ кажется кто-то принялъ меня или поддержалъ и потащили куда-то; но я была какъ пьяная, чувствовала, кажется, физически все что̀ со мной дѣлали, но не могла ни глазъ открыть, ни пошевельнуться; въ головѣ что-то кружилось. Наконецъ я открыла глаза и увидѣла что я лежу въ гостиной на диванѣ; мнѣ растираетъ пульсъ одна

* Свекру моему было тогда 63 года.

золовка, другая даетъ спиртъ нюхать, третья третъ виски чѣмъ-то; четвертая, Варвара, стоитъ напротивъ и плачетъ. Когда я ее увидѣла въ слезахъ, я старалась ей улыбнуться (она была моя фаворитка); увидѣвъ мою улыбку, она сильнѣе заплакала и побѣжала вонъ изъ комнаты. Старшая сестра велѣла ей идти къ отцу и сказать что я пришла въ себя. Она сказала ему; онъ тотчасъ пришелъ; взялъ меня за руку, пожалъ ее крѣпко, поцѣловалъ въ голову меня и вышелъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошла дѣвушка, сказала:

— Пожалуйте кто-нибудь къ Варварѣ Борисовнѣ.

Сестра Лизавета пошла къ ней, а двѣ старшія остались при мнѣ; онѣ взглянули другъ на друга и догадались зачѣмъ звали къ Варварѣ, но молчали. Варвара была очень слабаго здоровья и отмѣнно нервна; ни одно огорченіе, ни одно моральное разстройство не проходило безъ сильныхъ нервныхъ припадковъ. Такъ было и теперь. Когда она успокоилась, ее положили въ постель и не позволяли со мной видѣться до вечера, потому что она призналась что не можетъ меня видѣть и не плакать, а такъ какъ это разстраивало ту и другую, то насъ и разлучали на цѣлый день.

Мужъ мой догадался по блѣдности моего лица и трепетанію всего тѣла что будетъ со мною дурнота, остановился выѣхавъ изъ селенія и послалъ человѣка узнать что̀ со мною; мнѣ стало лучше; его извѣстили, и онъ уѣхалъ. Я узнала объ этомъ на другой день.

Пора было и намъ собираться въ побѣгъ. Свекоръ объявилъ намъ что мѣшкать нельзя, что мы должны уложиться, что онъ намъ даетъ три дня на сборы; что мы всѣ шестеро поѣдемъ въ одномъ фаэтонѣ, а двѣ дѣвушки и поваръ поѣдутъ въ кибиткѣ; за фаэтономъ лакей; на козлахъ съ кучеромъ камердинеръ; фаэтонъ будетъ шестерикомъ съ форейторомъ, кибитка тройкой.

Мы всѣ пятеро были въ большомъ недоумѣніи какъ уложиться; насъ много; взять надобно съ собой тоже не мало, потому что ѣдемъ на неопредѣленное время. Толковали объ этомъ съ нѣкоторою досадой; свекоръ услыхавъ наши толки сказалъ намъ: „благодарите Бога и за это; вы знаете что въ эту пору у помѣщиковъ почти не бываетъ денегъ. Я долженъ былъ отправить четверыхъ вашихъ братьевъ; да сами ѣдемъ; хотя и не просторно да покойно; не всякому пришлось такъ ѣхать. Говорятъ что дворяне Смоленской губерніи кое-какъ выбра-

лись кто на чемъ попало; итакъ; вмѣсто толковъ укладывайтесь скорѣе; можетъ-быть я раньше поѣду чѣмъ назначилъ."

Нечего было дѣлать; надобно было хлопотать. До сей поры мы какъ-то были безпечны; но наконецъ и насъ сталъ страхъ пробирать. Столько доходило разныхъ страшныхъ слуховъ: что Наполеонъ прошелъ уже Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьму и приближается къ Москвѣ; что наше войско почти бѣжитъ передъ нимъ; что вездѣ гдѣ ни дадимъ сраженіе, насъ въ прахъ разобьютъ, и пр., и пр.

Черезъ два дня все было готово и мы выѣхали изъ свекровой деревни, села Изъялова, отслуживъ въ церкви молебенъ на путь и сопровождаемые страшнымъ плачемъ остающихся, которые безъ господъ ожидали всѣхъ бѣдъ; не помню котораго именно числа, кажется 22 или 23 августа.

Фаэтонъ, это былъ экипажъ въ родѣ четверомѣстной кареты, но гораздо бо́льшаго размѣра; въ немъ можно было сидѣть по трое въ рядъ не стѣсняясь. Этотъ экипажъ былъ безъ стеколъ; задъ и передъ глухіе, а по бокамъ все открыто, только можно было задергивать кожаными занавѣсками, которыя пристегивались на пуговкахъ, для защиты отъ солнца или отъ дождя. Все же прочее устройство фаэтона было какъ въ каретѣ: * козлы кучерскія, мѣсто для лакея, подножки, рессоры и пр.

Калуга отъ нашей деревни была въ шестидесяти верстахъ; мы ночевали на полдорогѣ и на другой день утромъ были въ Калугѣ и остановились въ давно извѣстной семейству нашему гостиницѣ, прескверрнѣйшей. Въ этой же гостиницѣ остановилась родная моя бабушка, Коробанова. Съ нею была замужняя ея дочь съ мужемъ и со всѣми дѣтьми. Все семейство состояло изъ 6 или 7 человѣкъ. Они тоже бѣжали изъ Вяземскаго уѣзда, гдѣ находилось ихъ имѣніе, и пробирались въ Воронежскую губернію, гдѣ было 600 душъ принадлежащихъ богатому нашему холостому двоюродному дѣдушкѣ, Петру Васильевичу Коробанову. Они намѣревались поселиться тамъ пока пройдетъ ужасное, всеобщее бѣдствіе.

Я тотчасъ пошла повидаться съ бабушкой и нашла ее въ постели. Увидѣвъ меня она заплакала, тетушка тоже. Начались всякіе толки и разказы. Мужъ моей тетки, очень глупый человѣкъ, ходилъ по Калугѣ и собиралъ разные слухи, большею

* То-есть въ старинной каретѣ.

частію ужасные, и при этомъ случаѣ я узнала какъ бабушка любила свою дочь и какъ была равнодушна къ моему отцу.

Кто-то сказалъ что Спасское сожжено непріятелемъ. Надобно сказать что Спасскихъ деревень было двѣ, одна принадлежала отцу моему, а другая теткѣ. Бабушка услышавъ это вскрикнула и съ нею сдѣлалась сильная истерика. Наконецъ, когда привели ее въ чувство, то тетушка объявила ей что сгорѣло Спасское моего отца; бабушка перекрестилась и сказала: „Ну, слава Богу, а я думала что твое!“ Тетушка сконфузилась, дѣлала ей знаки, но уже было поздно, я все слышала. Я встала и не простясь ушла, такъ я была сердита.

Между тѣмъ свекоръ мой ходилъ къ губернатору * узнать о моемъ мужѣ, но губернаторъ сказалъ ему что ополченіе выступило уже къ границѣ, а насчетъ Наполеона совѣтовалъ, такъ какъ намъ непремѣнно ѣхать чрезъ Москву, то не мѣшкать, потому что онъ шибко приближается къ столицѣ.

Когда свекоръ возвратился отъ губернатора и разказалъ намъ разговоръ свой съ нимъ, то къ досадѣ моей на бабушку присоединилось огорченіе что не увижу мужа, опасеніе за него, и какой-то паническій страхъ овладѣлъ мной.

(Я забыла сказать что мужъ мой возвратилъ лошадей и экипажъ домой и приказалъ сказать съ кучеромъ что его не отпускаютъ и что даже писать некогда и не на чемъ).

Вдругъ услышали мы говоръ, шумъ и стукъ колесъ на улицѣ. Я въ такомъ была расположеніи духа что невольно пугалась; подошла къ окну и увидѣла нѣсколько подводъ; на телѣгахъ лежали раненые наши и непріятельскіе; и жалко, и страшно было на нихъ смотрѣть. Около телѣгъ стояло много плѣнныхъ въ разныхъ мундирахъ; иные съ непокрытою головой. Лица ихъ, такъ какъ Наполеонъ тащилъ за собой почти всю Европу, были очень разнообразны. Француза можно было отличить по живости ухватокъ и безпрестанной болтовнѣ. Иные смѣялись, другіе хорохорились. Не знаю почему этотъ конвой остановился подъ самыми окнами. Многіе изъ зрителей желали узнать гдѣ они взяты въ плѣнъ и почему тутъ остановились. Между желающими былъ и мужъ тетки моей, онъ пришелъ повидаться съ ними, но никто не

* Кажется тогда въ Калугѣ губернаторомъ былъ Павелъ Никитичъ Каверинъ.

рѣшался говорить съ Французами, боясь дурно объясниться. Уговорили меня съ ними переговорить, я согласилась, только сказала что нужно дать плѣннымъ денегъ. Всѣ кое-чѣмъ пожертвовали, я пошла впередъ, а за мной и прочія не кучей, а въ розницу. Посмотрѣвъ со вниманіемъ, я выбрала одного изъ Французовъ, который показался мнѣ веселѣе другихъ, подозвала къ себѣ и начала разспросы:

— Approchez-vous, je vous prie, monsieur.

— Que désirez vous, madame?

Поклонъ съ обѣихъ сторонъ.

— Vous êtes prisonnier?

— Oui, madame.

— Où avez vous été fait prisonnier?

— Ma foi, ma belle dame, je n'en sais rien. Tous ces noms russes sont si barbares, sans vous offenser, qu'on a de la peine à les prononcer et à les retenir; je sais seulement que nous avons été tous pris comme dans une souricière.

Общій смѣхъ.

— Vous ne savez pas pourquoi on vous a arrêté ici.

— Je ne sais pas, mais je pense que nous devons passer la nuit daus cette ville; l'officier qui nous couduit est allé je crois quérir des logemens pour nous.

— Y-a-t-il des oficiers parmi vous?

— Non, madame, il n'y en a pas.

Я подала ему въ бумажкѣ деньги.

— Mille fois bonne vous êtes, ma belle dame; ce n'est pas de refus.

— C'est peu de chose, mais c'est votre Napoleon qui en est la cause; il nous a pris à l'impoviste...

Французъ взялъ деньги.

— Ah bah! que voulez vous? chacun son métier.

Опять общій смѣхъ.

Мы пошли всѣ въ гостиницу.

По совѣту губернатора, мы не замедлили выѣхать какъ только выкормили лошадей. Когда мы стали подъѣзжать къ заставѣ, къ намъ бѣжалъ одинъ молодой офицеръ, русскій, въ шинелѣ, фуражку держалъ въ рукѣ и кричалъ намъ запыхавшись: „Постойте, постойте!“ Свекоръ велѣлъ остановиться. Офицеръ, блѣдный и замѣтно слабый, говоритъ:

— Вѣроятно вы ѣдете въ Москву.

— Точно; что вамъ угодно? спрашиваетъ свекоръ.

Офицеръ подаетъ письмо.—Сдѣлайте милость, отдайте это письмо моимъ родителямъ, адресъ на письмѣ; умоляю васъ не откажите: я былъ слегка раненъ, и вотъ теперь совсѣмъ здоровъ, но мать моя узнала что я раненъ и въ ужасномъ безпокойствѣ, она бѣдная не знаетъ что я живъ и здоровъ, сообщенія съ Москвой не могу найти, теперь все прекращено. Ахъ, милостивый государь, еслибы вы знали какъ мать моя и я мы другъ друга любимъ! Она умретъ если не получитъ отъ меня извѣстія.

Свекоръ мой обѣщалъ доставить письмо самъ лично. Офицеръ благодарилъ, кланялся и когда экипажъ тронулся, онъ все вслѣдъ намъ кричалъ:—Ради Бога отдайте письмо.

Офицеръ былъ очень молодъ, бѣлокурый, голубые глаза; въ минуту просьбы лицо было одушевлено разными чувствами, и боязнью отказа, и надеждой на исполненіе просьбы, любовью къ матери, и скорбью объ ея безпокойствѣ. „Она умретъ“, воскликнулъ онъ, прося моего свекра, и въ эту минуту лицо его было очень выразительно, хотя въ спокойномъ состояніи души, мнѣ кажется, черты его должны быть довольно просты и вообще вся его особа не имѣла въ себѣ ничего отличительнаго.

Во все продолженіе этой сцены у меня беспрестанно навертывались слезы на глазахъ и что-то давило въ горлѣ; какъ мнѣ понятны были чувства его ко матери! Я сама обожала свою мать, хотѣлось заплакать; поглядю на другихъ, никто и ничего; съ любопытствомъ осматривали всѣ молодаго просителя, а участія не было замѣтно ни въ комъ. Не найдя себѣ товарища по чувству, я проглотила свои слезы...

Отъѣхавъ нѣсколько, свекоръ мой посмотрѣлъ на адресъ и сказалъ:—Далеконько!

— А гдѣ? которая-то изъ сестеръ спросила.

— Въ Лефортовѣ.

— Какъ его фамилія? спросила другая.

— Юній, былъ отвѣтъ.

— Какая странная фамилія „Іюнь“, которая-то замѣтила но свекоръ сказалъ:—Совсѣмъ не Іюнь, а Юній.

Я думала про себя: „ну, какъ батюшка-то мой не повезетъ письма отъ того что далеко! Каково бѣдной матери ничего не знать о сынѣ! А сынъ-то теперь успокоился, онъ думаетъ что мать дня черезъ два тоже успокоится“.

Не могу навѣрное сказать, отвезъ ли свекоръ мой письмо Юнія; я не смѣла ему сама напомнить, говорила объ этомъ золовкамъ моимъ чтобъ онѣ напомнили отцу о письмѣ, по пріѣздѣ въ Москву. Я все думала почему мнѣ нельзя бы самой свезти? То-то 18 лѣтъ! И сама не знаешь что̀ можно, чего нельзя.

Путешествіе наше продолжалось безъ происшествій до Пахры. Пахра въ то время была прекраснымъ селомъ, съ роскошнымъ господскимъ домомъ, или лучше сказать за́мкомъ каменнымъ; отличный садъ, всѣ строенія принадлежащія къ за́мку были тоже каменныя, очень хорошія, конечно не нынѣшней архитектуры, но все по тогдашнему было очень хорошо; вдали, на возвышеніи виднѣлось большое строеніе, говорили что это былъ псарный дворъ, потому что владѣтель этого имѣнія былъ большой охотникъ. Имѣніе было выселено по рѣкѣ Пахрѣ * и находилось въ 35ти верстахъ отъ Москвы. По всему было замѣтно что имѣніе принадлежало знатному и богатому баричу. Кажется это имѣніе было прежде Салтыкова и перешло какъ-то къ князю Дадьяну.

Мы остановились ночевать въ Пахрѣ. Напившись чаю, отъ нечего дѣлать мы вышли походить по улицѣ; возвратясь къ своей квартирѣ, мы нашли что у воротъ стоялъ мой свекоръ и предъ нимъ два или три крестьянина, которые спрашивали у него:

— Что̀ это такое батюшка, слышно? какъ будто пальба?

И подлинно мы тоже слышали пальбу. Свекоръ мой отвѣчалъ:

— Вѣрно гдѣ-нибудь невдалекѣ артиллерійское ученіе.

— Гм! протянулъ одинъ мужикъ и взявъ себя за бороду, нагнувъ голову, онъ пошелъ отъ насъ медленными шагами; за нимъ послѣдовали и другіе.

При началѣ этого разговора вышелъ изъ воротъ того же постоялаго двора, гдѣ и мы остановились, одинъ человѣкъ, по одѣянію судя мѣщанинъ. На немъ былъ синій кафтанъ на сборахъ; подпоясанъ краснымъ кушакомъ очень ловко. Мущина, казалось, лѣтъ около сорока, бѣлокурый, глаза голубые, небольшіе, но весьма выразительные и вообще всѣ черты лица доказывали умъ. Много такихъ лицъ встрѣчается

* На возвратномъ пути мы услышали что на этой рѣкѣ было трагическое происшествіе съ однимъ французскимъ герцогомъ; разкажу его въ своемъ мѣстѣ.

въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской и другихъ. Онъ казалось со вниманіемъ слушалъ что̀ говорили; когда крестьяне отошли на такое разстояніе что не могли слышать его словъ, онъ подошелъ къ моему свекру и началъ говорить:

— Позвольте, сударь, вамъ сказать...

— Что̀ тебѣ надо, любезный?

— Да вотъ что̀, сударь; вы изволите говорить будто это слышно артиллерійское ученье...

— Ну, да!

— Да нѣтъ, сударь, говоритъ тотъ переминаясь,—это не артиллерійское ученіе, а это сраженіе.

Мы въ нѣсколько голосовъ съ испугомъ:

— Какъ сраженіе? Да гдѣ?

— Подъ Можаемъ *, сударыня.

— Неужели! Да почему ты это знаешь?

— А вотъ, сударь, изволите видѣть, я маркитантъ и всегда нахожусь поблизости полковъ. Вотъ какъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Кутузовъ, то и начали толковать что на дняхъ будетъ большое сраженіе чтобы поудержать *его* ** отъ Москвы; да кажется будто нынѣ и назначено. Я, побоясь быть близко, чтобы не попасть какъ въ этой суматохѣ въ плѣнъ, отъѣхалъ въ сторону, вотъ здѣсь на постояломъ дворѣ живу и дожидаюсь какія будутъ вѣсти и куда мнѣ направиться.

Свекоръ молчалъ, покачивалъ головой; видно что онъ очень былъ встревоженъ словами маркитанта; а про насъ и говорить нечего. Мнѣ не разъ приходила на память матушка: гдѣ она теперь, успѣла ли она уѣхать дальше; вѣдь Наполеонъ съ ней по одной дорогѣ слѣдовалъ. Свекоръ пошелъ было въ комнату, но маркитантъ опять подошелъ къ нему и говоритъ:

— Позвольте, сударь, узнать, вы куда направляете свой путь.

— Въ Ростовъ.

— Ну, такъ вѣдь вамъ ѣхать на Москву; такъ ужь вы, сударь, не мѣшкайте, а то пожалуй скоро и черезъ Москву проѣзду не будетъ, придется окольными дорогами пробираться; да Богъ вѣсть на что̀ наскочите; у васъ, вишь, все барыни, да еще молодыя; съ такимъ товаромъ опасно, сударь, разъѣзжать въ такую смутную пору.

---

* Простой народъ называетъ Можайскъ Можаемъ.

** Подъ словомъ *его* маркитантъ разумѣлъ Наполеона.

— Твоя правда, братъ; благодарю за совѣтъ.

— Съ Богомъ, сударь.

Мы вошли въ комнаты; свекоръ тотчасъ созвалъ кучеровъ и лакеевъ, отдалъ приказъ чтобы никто не ложился спать, и какъ скоро станетъ заря брезжиться, тотчасъ бы запрягали. Мы конечно всю ночь не спали. Свекоръ мой ушелъ ночевать въ чуланъ или родъ конурки, какъ обыкновенно въ русскихъ избахъ отгораживаютъ отъ большой комнаты. Онъ не спалъ, и сколько можно было слышать черезъ перегородку, все молился Богу, а мы-то сначала пошептали о страшныхъ обстоятельствахъ, потомъ стали припоминать кое-что прошедшее; не разъ приходило въ разговорѣ что-нибудь смѣшное, и мы, несмотря на опасенія за себя и за близкихъ людей, смѣялись, только чтобы свекоръ не услышалъ этого неумѣстнаго смѣха, то уткнемся носомъ въ подушку, такъ и лежишь пока высмѣешь весь свой смѣхъ въ подушкѣ.

О, молодость, молодость! Блаженное время!

Горничнымъ своимъ не давали засыпаться, потому что безпрестанно посылали узнавать не поѣли ли и не отдохнули ли лошади. Наконецъ показалась заря, свекоръ вышелъ изъ своей конурки, все зашевелилось, лошади были запряжены, и мы отправились къ Москвѣ.

(Продолженіе будетъ).